ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 08.12.2025 | Якоб Мчангама

Маниакальная защита

Во имя демократии европейские государства все больше ограничивают свободу слова. Но это обращается против них.

Утром 26 ноября 2025 года на пороге берлинской квартиры американского драматурга С. Дж. Хопкинса появились трое вооруженных полицейских. Они предъявили ордер на обыск, изъяли компьютер, а его с женой допросили. Неужели они сделали что-то, что угрожало государственному строю Германии? В действительности дело было в обложке самиздатной книги драматурга. Хопкинс, неуступчивый левак и критик политики в отношении COVID-19, наложил едва заметную свастику на маску. Таким образом Хопкинс стремился высмеять тот факт, что, по его мнению, Германия движется к авторитаризму. В прошлом году, когда он опубликовал твиты с изображением этой обложки, его признали виновным в «распространении пропаганды нацизма». Несмотря на то, что Хопкинс получил приговор, полиция вернулась, но на этот раз просто потому, что он опубликовал обложку книги.

Если бы это был единичный случай, то это дело можно было бы считать досадным недоразумением и превышением полномочий. Такое могло произойти даже в самой демократической стране, которая превыше всего защищает свободу слова. В конце концов, в штате Теннесси, где я живу, один человек был вынужден просидеть в тюрьме 37 дней – пока с него не сняли обвинения – за то, что опубликовал саркастический мем о Дональде Трампе на своей странице в Facebook. Но сейчас мы видим, что в таких европейских странах, как Германия и Франция, случаи, подобные делу Хопкинса, больше не являются исключением из правил. В отличие от США, в этих странах почти отсутствует возмущение общественности или беспокойство политиков по поводу ограничения свободы слова. Нет также значительного сопротивления главному политическому консенсусу, который заключается в том, что европейские демократии должны становиться все более агрессивными для преодоления врагов. Но для европейцев, опирающихся на факты и рациональные аргументы, доказательства сейчас слишком убедительны, чтобы отрицать угрозу распространения цензуры.

Если оглянуться на историю Германии, становится понятным, почему конституционный строй этой страны прежде всего стремится предотвратить распространение тоталитаризма, однако арсенал воинственной демократии Германии применяется неосмотрительно, нанося ущерб базовым ценностям, которые призван защищать. Все это стало абсолютно очевидным в эпоху цифровизации, когда тысячи немцев превратились в объекты преследований за выражение противоречивых взглядов на такие темы, как иммиграция, политика в отношении COVID, конфликт между Израилем и Газой и политическая элита страны.

Глава Федерального уголовного управления Германии еще в марте 2022 года дал понять, что правительство будет реагировать на нетерпимость, выраженную онлайн, нетерпимостью офлайн: «Каждый, кто опубликует сообщение, содержащее язык вражды, должен ожидать, что на его пороге появится полиция». В том же году газета The New York Times проанализировала данные немецких государственных органов и обнаружила более 8500 открытых расследований правонарушений, связанных с высказываниями в интернете. С 2018 года за такие действия привлекли к ответственности или наказали по меньшей мере тысячу человек.

Эта практика до сих пор остается актуальной. В феврале 2025 года американцы были шокированы, когда посмотрели выпуск «60 минут», посвященный немецким полицейским и прокурорам, которые занимаются борьбой с преступлениями в интернете. Улыбаясь, прокуроры объясняли, что распространение или даже лайк под ложным или оскорбительным контентом – язык ненависти, сплетни, ложные цитаты или личные оскорбления – могут считаться уголовным преступлением. Даже назвав влиятельного политика «дураком» или «лживым куском дерьма», можно спровоцировать полицейский рейд.

Под прицелом также оказались защитники климата, пропалестинские активисты и политические сатирики. С 7 октября существенно ограничили право на мирные протесты из-за запрета демонстраций в поддержку Палестины во многих немецких городах. Несмотря на то, что немецкие законы о свободе слова изначально были направлены на защиту меньшинств и демократии, сегодня они часто служат для защиты правительства от критики. По иронии судьбы, их иногда используют против меньшинств, которых они призваны защищать. Айрис Гефец, еврейку и ультралевую антисионистку, проживающую в Берлине, несколько раз задерживали за мирные одиночные протесты против того, что она называет геноцидом в Газе. Кроме того, во время пропалестинских

протестов часто происходят судебные преследования мусульман. По сути, это позволяет преимущественно белой немецкой политической административной верхушке определять, какие именно меньшинства заслуживают защиты – или судебного преследования – в соответствии с законами, призванными защищать их от нетерпимости большинства.

Подобную ситуацию наблюдаем не только в Германии. Франция – родина Декларации прав человека – также подверглась агрессивным ограничениям свободы слова, притом что сама по себе Декларация гарантирует право «свободно выражать свои мысли, писать и публиковать». При этом способность французов объединяться и противостоять действиям правительства была существенно ограничена при президентстве Эмманюэля Макрона. В некоторых случаях он подавал в суд на тех, кто его высмеивал.

Список общественных организаций, запрещенных указом, растет, и это посылает тревожный сигнал представителям гражданского общества

Еще более тревожным является факт, что за время президентства Макрона была запрещена деятельность 46 общественных организаций, что больше, чем при любом другом президенте за всю историю Пятой республики. Среди запрещенных организаций есть антифашистские, антииммиграционные, мусульманские правозащитные, консервативные католические и даже экологические группы. Некоторые организации запретили за «преступления», связанные с их высказываниями, включая резкую критику правительства и размытые понятия «языка ненависти», в частности за то, что не удалили хейтерские комментарии пользователей на своих социальных платформах. Другими словами: они виноваты, потому что ответственность коллективная.

Список ОО, запрещенных указом, растет, и это посылает тревожный сигнал представителям гражданского общества, а именно: несогласие с официальной политикой или республиканскими ценностями грозит наказанием. Многие группы сейчас оказались перед дилеммой: высказаться и рискнуть стать мишенью или промолчать и ждать «оттепели». Ни один из вариантов не является приемлемым для страны, которая гордится своим статусом пионера в области прав человека.

Поддержки не оказывают даже европейские институты, несмотря на важность свободы слова, закрепленной в Европейской конвенции прав человека Совета Европы и Хартии основных прав ЕС. Европейский суд по правам человека предоставляет ограниченную защиту высказываниям, которые считает экстремистскими (наказывают даже за проявление богохульства). ЕС работает над ограничением свободы слова, предлагая признать язык вражды «преступлением ЕС», что предусматривает расширение уголовной ответственности и ужесточение наказаний во всех 27 государствах-членах.

Европейцы могут пренебречь этими нарушениями как ценой создания более толерантных обществ, изолированных от ненависти к меньшинствам и подъема ультраправых популистов. Но доказательств того, что «воинственный» подход действительно работает, нет. Случаи экстремизма и нетерпимости распространяются по всей территории Европы, несмотря на все более плотную сеть законов, ограничивающих язык вражды.

В 2025 году Федеральное ведомство Германии по охране конституции сообщило о значительном увеличении количества экстремистов правого крыла, которое за десять лет выросло более чем вдвое: с 20 тысяч в 2015 году до более 50 тысяч в 2024-м. В отчете также отмечается, что количество преступлений, совершенных праворадикальными экстремистами, включая уголовные, выросло на 47 процентов по сравнению с предыдущим годом. Стоит отметить, что это происходит не только в Германии. В 2024 году Европейский парламент сообщил о «резком росте дискриминации, преступлений на почве ненависти и языка ненависти в ЕС», который происходил в течение последних десятилетий.

Законы о языке вражды не просто не снижают уровень ненависти или экстремизма, но и часто провоцируют противоположный эффект

По иронии судьбы, последние исследования показывают, что более прочная защита свободы слова связана с большей расовой терпимостью и более мощными гарантиями прав меньшинств. На самом деле законы о языке вражды не просто не снижают уровень ненависти или экстремизма, но и часто провоцируют противоположный эффект. Исследования показывают, что в демократических странах свобода выражения мнений служит предохранительным механизмом, который снижает уровень насилия, тогда как репрессии способствуют радикализации и насилию, провоцируют еще

больше ненавистных высказываний и даже повышают электоральную поддержку политиков, против которых они применяются. Во Франции, Германии, Великобритании и Нидерландах лидеры ультраправых партий, такие как Марин Ле Пен, Герт Вилдерс и Бьорн Хёкке, приобрели популярность, несмотря на судебные преследования за ненавистнические высказывания, а иногда и благодаря им.

Когда и, главное, если эти лидеры избираются демократическим большинством, то нынешняя рецессия свободы слова станет образцом для возобновления ограничений свободы слова реваншистскими правыми популистами. Это хорошо видно на примере Соединенных Штатов, где только надежная защита Первой поправки сдерживает худшие проявления политики администрации Трампа, связанные с цензурой. Невзирая на такие тревожные сдвиги и очевидный вред для свободы слова, признаков, указывающих на то, что европейские демократии пересмотрят свой нелиберальный курс, немного.

Несмотря на положительные черты современной Европы, ее воинственная демократия является скорее предупреждением, чем примером для подражания. Вопрос сейчас заключается в том, стало ли жесткое ограничение свободы слова в Европе большей угрозой для демократии, чем экстремисты, которых она пытается сдержать. Ответ на него определит не только будущее Европы в частности, но и судьбу либеральной демократии в целом.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Якоб Мчангама

Якоб Мчангама (Jacob Mchangama) – датский юрист, исполнительный директор проекта «Будущее свободы слова» в Вандербильтском университете и старший научный сотрудник Фонда индивидуальных прав и выражения мнений. Он является автором книги «Свобода слова: история от Сократа до социальных медиа» (2022) и соавтором книги «Будущее свободы слова: как остановить глобальный упадок важнейшей свободы демократии» (выйдет в 2026 году).